

М. В. ЛЕСКИНЕН
(Москва)

МАТЕРИАЛЬНЫЕ АТРИБУТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ВИЗУАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Аннотация. В статье проанализированы значение и функции материальных элементов в процессе описания и определения иерархии этнодифференцирующих черт на этапе становления этнографической науки в России (XIX в.). Описание народа рассматривалось как важнейшая исследовательская процедура, целью которой была фиксация отличительных признаков внешнего облика, языка, духа (психологии, характера) народа, его «общественного быта», нравственных и умственных свойств. Принцип иллюстративности начиная с XVIII в. диктовал особенности репрезентации этнических образов в научной литературе. На начальной стадии элементы «материальной культуры» оказывались вторичными по отношению к признакам так называемой «духовной культуры», но играли доминирующую роль в разработке идеи этнической физиогномики, в основе которой находилась оппозиция внешнее/внутреннее. Она в свою очередь определяла закономерности и каноны визуального и вербального изображения «этнического» в российской науке на протяжении всего XIX в.

Ключевые слова: история этнографической науки в России, история России XIX в., этничность, национальная идентичность, этнокультурные репрезентации «других», визуальная антропология.

К концу XVIII в. в европейской науке сложилось представление о комплексе признаков этнической идентификации, притом, что понятия «этнос» и «этничность» в этнографическом лексиконе отсутствовали. Совокупность

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №08—06—00246 «Повседневные практики и их отражение в аксиологической системе славянских текстов» (руководитель — д. иск. Н. В. Злыднева).

этноотличительных примет была разработана в прагматических целях, в практике народоописаний. Первым и бесспорным критерием этнической принадлежности был назван язык, затем вероисповедание, следующими по значимости шли внешние особенности (в широком смысле, т. е. черты лица, физический облик, одежда). Элементы так называемой «материальной культуры» (прежде всего жилище и пища) и «умственные и нравственные способности» (темперамент, характер, моральные нормы и ценности и «общественный быт») расценивались как равнозначные. В течение XIX в. этот перечень этнодифференцирующих признаков почти не менялся, пересматривалось лишь местоположение их в иерархии.

Материальное, вещное проявление этничности расценивалось как наиболее очевидное (в прямом смысле слова) и яркое выражение своеобразия культуры народа или региональной/этнической группы. В российской традиции народоведения, с середины XIX в. складывающегося в этнографическую дисциплину, эта область этноотличительности признавалась значимой, и в описаниях жителей Империи ей уделялось важное место, однако исследовательский интерес в 1850—1880-е гг. концентрировался, прежде всего, в сферах «духовной культуры» (т. е. свойств национального характера, мифологии, языка, народной словесности, обычного права и др.). Поэтому представляется небезынтересным рассмотреть следующие вопросы: а) как в процессе эволюции взглядов российских ученых на этничность менялись формы дескрипции материальной культуры; б) каким образом они влияли на описательную стратегию этнографических репрезентаций народов Российской империи; в) как на разных этапах в них соотносились вербальные и визуальные способы изображения этноотличительной специфики. Источниками служат научно-популярные иллюстрированные издания народоведческого и географо-статистического характера конца XVIII—XIX вв.

Под термином «этническая идентификация» я буду понимать процесс определения этнической принадлежности индивида или номинации этнической

группы, осуществляемый с помощью определенных познавательных процедур внешним наблюдателем, за которым закреплены статус и полномочия кодификатора. Иначе говоря, речь пойдет о «внешней идентификации» этнографических объектов. Это принципиально, так как наука XVIII—XIX вв. исключала из признаков этничности самоопределение (за исключением самоназвания — экзонима), что было обусловлено теорией и практикой этнографических исследований на этапе формирования дисциплины.

Одним из первых масштабных научных проектов, представивших европейской и российской элите этнокультурное разнообразие России, стал труд немецкого ученого на русской службе И. Г. Георги «Описание народов Империи» [Георги 1776—77]. Он появился на немецком языке в 1776—80 гг., почти одновременно вышел по-русски — в трех частях (СПб., 1776—77, второе российское издание — в 1799, в четырех частях) и предназначался для образованной западноевропейской и русской публики. Текст Георги представлял собой развернутые комментарии к гравюрам нюрнбергского художника Х. Рота, работавшего в России. Он делал их по заказу, для журнала «Открываемая Россия», изданного в виде альбома двумя годами ранее [Дмитриев 2005; Вишленкова 2008, 30—33]. Рот не принимал участия в этнографических экспедициях и не путешествовал, все гравюры были сделаны им по рисункам и экспонатам этнографических коллекций Академии наук и Кунсткамеры. Эти изображения представителей племен и народов были так называемыми «костюмами», многие воспроизводились в двух и более ракурсах: спереди, «с тылу» и сбоку. Георги снабдил их подробными характеристиками языка, обычаев, внешнего облика и нравов, а также добавил изображения тех народов (в частности, финно-угорских), подробное описание которых на основании материалов собственных полевых исследований он сделал ранее [Жабрева 2007в, Вишленкова 2008, 12—13]. Стратегия этнической идентификации данных визуальных текстов подробно рассмотрена в работах Е. Вишленковой, которая заключает: «специ-

фика народа в проекте Рота приписана не людям, а вещам», что «отражало современную культуру видения мира», в которой «костюм указывал на социальную роль, родоплеменную принадлежность, идейное и эстетическое содержание человека» [Вишленкова 2008, 33]. Добавим: такое видение можно расценивать как важную приметку архаически-традиционного типа идентификации индивида и группы, а в научном дискурсе оно обретает некоторые новые коннотации, связанные не только с доминированием визуализации в репрезентации нового (знания, мира, культуры) и этнических «других» в целом, но и с господством внешнего наблюдения в научном антропологическом исследовании [Лескинен 2010, гл. 1, 3]. Визуализация этнического осталась доминантной и в науке XIX в.: «согласно европейской традиции, во всех формах убеждающего и подчиняющего европейского знания заложено зрительное восприятие» [Миськова 1998, 139]. В очерках Георги соблюдался еще один важный принцип описания народов как метода: перечень материальных и иных отличий этносов состоял из очевидных, т. е. «бросающихся в глаза», признаков, исключавших на этом этапе метод реконструкции как таковой.

На первом месте в вербальном и визуальном изображениях находились одежда и те предметы, которые непосредственно относились к костюму, например украшения. Все детали рисунка проговаривались еще раз — в тексте, в разделе «одеяние», с подробностями, достойными профессионального портного — в этой области «удвоение» информации было обязательным. На рисунках помещались еще и атрибуты, призванные обозначить виды хозяйственной деятельности, например ножи, огниво и охотничье оружие (в частности, в изображениях «Чухонского мужика» и «Остяка»), корзина и посох у обитателей лесов, сети у занимающихся рыболовством (например, у «Лопаря»), но только в изображениях мужчин. Женщины выступали как своеобразные «манекенщицы», демонстрируя лишь одеяние. Поскольку иллюстрации делались не с натуры, антропологические различия были нивелированы;

в ту эпоху ни автор, ни художник их как бы «не видели»; отсутствует на них и фон — за редким исключением он ограничивался условными намеками на специфику природного ландшафта, жилища и т. п. Материальные атрибуты в гравюрах занимают первое место, поскольку передать другие отличительные особенности этноса (такие как язык, характер) можно было лишь словесно. Поэтому одежда прежде всего интересовала потенциальных читателей и зрителей Георги: неслучайно, когда в 1780-е с иллюстраций Рота была сделана первая коллекция фигурок Императорского фарфорового завода, то и в ней главными отличительными чертами оказались костюмы, что, впрочем, отличало эти группы во всех (вплоть до конца XIX столетия) последующих скульптурных группах [Императорские коллекции 1995, 70—71].

Новым этапом визуальных этнографических репрезентаций, причем также предпринятых для европейской и российской элиты, стал альбом «Народы России» Карла Рехберга (Париж, 1812—13), для которого делал рисунки и гравюры русский художник Емельян Корнеев во время своих путешествий по стране [Жабрева 2007а]. На них представители разных народов изображены по-новому: во-первых, введены отдельные элементы культурного и природного ландшафта; во-вторых, персонажи имеют индивидуальные черты и являются участниками жанровых сценок, призванных продемонстрировать повседневный быт и обряды. Так, в иллюстрации к описанию лопарей («Лапонцы») запечатлен обряд жертвоприношения языческим богам, что позволяет представить разные виды мужской одежды, указать на важнейший промысел (лодка и коптящаяся рыба на берегу реки), в общих чертах изобразить лопарский чум и гористый ландшафт. Персонажи гравюры «Эстонцы» — супруги, участники крестьянской скромной трапезы во время косьбы — одеты в национальную одежду, на заднем плане видны детали каменных строений.

Помимо детально выписанной одежды на картинках присутствуют предметы утвари, домашней обстановки, фрагменты жилища (например, в гравюрах

«Вотячка», «Мордовка», на которых женщины изображены статично, но на фоне лаконичных интерьеров). Важной особенностью гравюр Корнеева является очевидный сегодня диссонанс между относительно реалистичным изображением неславянских народов и более чем условными образами великорусов. Именно в них этнографическая точность во многом утрачена; персонажи многофигурных композиций выглядят, как актеры «живых картин» или театральной постановки на античные темы: на гравюре «Россиянки» пожилая и молодая крестьянки моют белье, но «одеты» в праздничные костюмы, их позы призваны продемонстрировать детали одевания. На рисунке «Русские крестьяне» псевдореалистическая зарисовка трехфигурной сценки при подробном рассмотрении оказывается более чем условной: крестьянин и две крестьянки в праздничных одеваниях беседуют у дерева, напоминающего дуб; при этом мужчина с запасной парой лаптей на плече отбивает косу. Одна из женщин сидит на камне спиной к зрителю таким образом, чтобы можно было рассмотреть сложный головной убор сзади, она прядет. На наш взгляд, такое изображение русских (великорусов) вызвано не только отсутствием традиции их визуализации, но и принципиальной нерешенностью вопроса о сущности русскости как таковой (ее сословных и региональных вариаций и общенациональной типичности), ведь отчетливый интерес к этим проблемам возникает лишь в 1820—40-е гг. [Мартин 2003, Вишленкова 2005].

Новый этап осмысления народности и этничности в России, а также их отождествления [Лескинен 2010, гл. 2] связан с 1840—50 гг., когда в русской беллетристике под французским влиянием весьма популярным становится жанр так называемых «физиологий», или «типов», задачей которых было изображение быта и нравов разных сословий и профессиональных групп, осуществляемое непременно «с натурой». Наименование связано с названием популярных в начале 1840-х гг. изданий, очерков бытового характера, представлявших людей по их социальным и профессиональным особенностям,

продолжавших традицию «криков» XVIII в. В связи с этим жанром возникают теоретические проблемы: а) способов воплощения в литературе типов и типичного и б) различия методов натурализма и реализма, — повлиявшие на концепцию и интерпретации народности/этничности. Характерно подчеркиваемое создателями таких очерков соотношение визуального и вербального рядов с точки зрения типизации: В. Г. Белинский считал, что их авторы должны обладать умениями «живописца в натуре» (типиста), а «сущность типа состоит в том, чтоб, изображая, например, хоть водовоза, изображать не какого-нибудь одного водовоза, а всех в одном» [Белинский 1954, 602—603]. Главным отличием живописных иллюстраций этих типов от этнографических в 1830—40 гг. было то, что они воплощали не костюмы, а функции определенных групп, иногда расширяя объекты от понятия «город» до границ Империи [Вишленкова 2005, 20].

Важно обратить внимание на взаимосвязь интерпретации понятия «народность» и словосочетания «физио(г)номия народа». «Физиономия» трактовалась как совокупность специфических черт, определяющих прежде всего визуальную узнаваемость представителей региональных или профессиональных и несколько позже этнонациональных групп. Новым было и само признание факта, что в рамках политических образований (государств и империй) складываются общие признаки и свойства ее жителей, создающие культурное (т. е. «духовное» и физическое) своеобразие нации/народа. Наконец, еще одна особенность концепта «народная (национальная) физиономия» состояла в убежденности, что «самая наружность людей высказывает умственные и телесные силы, которые легко распознаются по очерку лица и образованию тела» [Терещенко 1848, 4]. Так часто описывали и предков русских — древних славян, обладающих многими положительными качествами «народов севера» (мужеством, волей, «силой и умом гибким»), выраженными во внешних приметах: они отличаются «лбом возвышенным, лицом круглообразным, носом продолговатым, ртом умеренным,

губами небольшими и приятными, глазами открытыми, светлыми, большими голубоватыми, волосами тонкими. Мягкими длинными, ростом высоким, поступью гордою» [Там же]. Напротив, народы, внешний облик которых (лицо и тело) воспринимался наблюдателями как «неприятный» или некрасивый, однозначно рассматривались как носители определенных, связанных с конкретными признаками, пороков. Сама по себе идея о взаимозависимости внешнего и внутреннего, несомненно, архаична и универсальна: она встречается практически во всех народоописаниях начиная с античности, но концепция жестко прямолинейной физиогномики получает распространение благодаря трудам К. Г. Лафатера, в том числе и в России первой трети XIX в. Как показывают исследователи, она заимствовалась из раннего немецкого романтизма [Зорин 2001]. Признание возможности отображения добродетелей и пороков в лице индивида, а также в облике типичного представителя коллектива или сообщества применительно к этнографическим описаниям снимало вопрос о методах выявления специфически-этнических качеств нрава (черт характера): их можно было и «увидеть», и показать в лице, жестах, позах. Визуальные образы соотносились с литературными и научными характеристиками народов, а концепты «народность», «физиономия народа» и «национальный характер» на этом этапе понимались как тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Объектом внимания авторов очерков «типов» были представители «своего» народа, как правило, низкого социального происхождения; довольно часто встречались изображения «типов» других этнических групп — в том случае, когда имела место профессиональная «монополия» в ремесленной или торговой деятельности. Именно в таком качестве были выполнены описания В. И. Далем (под характерным псевдонимом «Нравоописатель») чухонцев Петербурга: он характеризовал их прежде всего как узкопрофессиональную группу городских жителей (ремесленники-серебряники, извозчики, трубочисты, женская прислуга и поставщики «чухонского» масла), относя к «чухон-

цам» финнов Финляндии, жителей петербургских пригородов и «эстов» [Даль 1846].

В иллюстрациях к «физиологиям» вопрос о способах и процедуре типизации занял важное место (например, рисунки и гравюры 1842—43 гг., созданные под руководством российского художника Василия Тимма для сборника «Наши, списанные с природы русскими» (1843), — о жителях Петербурга). Важным требованием визуального и вербального текстов стала узнаваемость образов. В отличие от статичных и удобных для зрителя изображений Корнеева эти и другие Тиммовские «типы» создавались в соответствии с идеями физиогномики, поэтому художники обнаруживали в выражении лица, фигурах, позах и жестах характерные социальные и этнические отличия. Благополучие также отражалось во внешних приметах; они становились свидетелем процветания или бедности всей группы (народа, племени) в целом. Так, фигура сутулого, забитого чухонца говорила о его нелюдимости, угрюмости, суровости; опущенный взгляд белоруса — о тяжелой доле и забитости; солидный, полный, с рукой, заложенной за пояс, курляндец-латыш воплощал достоинство и довольство [Тимм 1843]. На первом месте — приметы социальности, поэтому одежда, как правило, выбиралась праздничная или профессионально-повседневная («Парень и девка», «Купец в праздничном мундире», «Финские крестьяне из окрестностей Санкт-Петербурга»). На рисунках помещались главные вещественные атрибуты рода занятий или специализации («Охтинские молочницы», «Чухонская молочница»), домашняя утварь не интересовала вовсе. Будучи перенесенным на изображение типов, прямолинейно трактуемый принцип изоморфности делал ненужными дополнительные детали: достаточно было тщательно прорисовать особенности лица, позы и одежды, акцентируя цветовую гамму и указать на главные приметы хозяйственной деятельности, но не домашнего обихода. В подписи к иллюстрации обязательной стала точная фиксация региона, губернии и рода занятий.

В 1862 г. в Санкт-Петербурге был издан роскошно иллюстрированный альбом Густава Теодора Паули «Этнографическое описание народов России» [Паули 2007] — и снова для образованной публики (на французском, подписи по-французски и по-русски). Все рисунки для него были сделаны или с натуры, или по материалам коллекций Русского географического общества, а краткие тексты писали ученые-этнографы (в частности, К. М. Бэр и Р. Ф. Эркерт) [Жабрева 2007а]. Текст, сопровождающий иллюстрации в книге Паули, весьма лаконичен: в нем содержится информация о месте народа в языковой и этногеографической классификации, о характерных чертах его физического и «нравственного облика», а также о главных отличиях от великорусов. Например: «Поляки — единственный западнославянский народ ... населяющий Российскую империю. Их обычаи, язык и вообще национальные особенности до недавнего времени были весьма близки к западным и северо-западным. Внешностью поляки сильно отличаются от великороссов: голова у них меньше, они не столь рослые, черты более тонкие. Им не хватает той особенной гармонии — если так можно выразиться — между душой и телом, своего рода уверенности, которой в известной мере обладают великороссы» [Паули 2007]. В этом фолианте нашли отражение характерные особенности русского этнографического описания 1860-х гг., сложившиеся в связи с разработкой категории «народности» и программ этнографических описаний. Первая заключалась в преобладании исследовательского интереса к духовной культуре, общественному и нравственному быту (т. е. к языку, фольклору, обычному праву, институту общины и т. д.) — в ущерб изучению элементов материального быта. Вторая была связана с идеализацией носителя этничности: крестьянство, которое и ранее воспринималось в качестве представителя этнического своеобразия, объявлялось теперь обладателем не только типичных свойств своего этноса, но и хранителем архаических форм культуры, «чистых» физических черт, а также неизменных патриархальных и

христианских добродетелей [Лескинен 2010, гл. 2.].

В репрезентации народов Паули больше, чем в аналогичных альбомах ранее, изображений восточных славян («русских») Империи. Это связано с активизацией изучения «своего» крестьянства, его региональных особенностей, разнообразия внешнего облика и форм быта, диалектов и обрядности, а также освоением имперского пространства в географическом и этнографическом отношениях. Жанровые сценки уже мало интересуют художников: несмотря на то, что многие зарисовки сделаны с натуры, зрительское внимание приковано к одухотворенным и идеализированным лицам (как у Корнеева), а в одежде и весьма малочисленных вещественных атрибутах заметна тенденция к представлению типично-обобщенного; однако особенности ландшафта и жилища все же обозначены некоторыми деталями, зачастую условными (избы Великороссии, костелы Польши и кирхи Эстляндии, скалы Финляндии). Важно отметить, что именно в альбоме Паули в многочисленных иллюстрациях великорусов разных регионов отчетливо выразился этап формирования общеэтнического (как протонационального) облика из различных локальных вариаций, начало которого исследователи относят к первой трети XIX в. [Вишленкова 2008, 34—35]. Великорусы репрезентируются пока не как единый тип, а как комплекс локальных образов. Сарафан и кокошник в альбоме Паули еще не обозначены как типично-великорусские элементы женского костюма в целом (что будет доминировать уже в 1870-х гг., а в конце столетия войдет в канон национально-русского женского костюма) [Русский костюм 1984; Костюм 1990, 9—12], а лишь как севернорусская его разновидность («Великороссиянки Псковской, Тверской, Смоленской, Калужской и Тульской губерний»). Женская одежда Воронежской губернии («Великороссияне Воронежской губернии»), с одной стороны, и крестьянок Нижегородской, Рязанской и Орловской губерний — с другой, заметно отличается по фасонам, по цветовой гамме и зачастую в них явст-

венно влияние соседних тюркских и финно-угорских народов.

Отчетливо проявилась в альбоме Паули и другая тенденция. Представители «великороссиян центральных губерний» изображены в живописной группе (трое крестьян и две крестьянки разного возраста): на первом плане бородатый мужик в сапогах и красной косоворотке навывпуск играет на балалайке, рядом — томная девушка в белоснежной рубаше с пышными рукавами и таком же белоснежном переднике. Они помещены на фоне крестьянской избы, но такой облик «выдает» в них городских жителей — быть может, это призвано свидетельствовать об активном развитии отходничества, которое в этнографических описаниях великорусов этого времени упоминалось всегда и интерпретировалось как значимая черта, отличающая их от малорусов. Вполне правомерна и другая гипотеза: попытка выделить типичные приметы великоруса (рубаша, балалайка), которые в конце столетия будут восприниматься как национальные признаки русского крестьянина. В ее пользу — аналогичное стремление к фиксации одного или нескольких материальных атрибутов этничности применительно к инородческим (т. е. неславянским) народам Империи. Так, финн (в изображении финнов Санкт-Петербургской губернии «аурамойзет и савакот», и финнов Финляндии («суомалайзет»)) «получает» неизменные для него и далее трубку и шляпу, ижорец — плетень, а ижорка — туес для сбора ягод, так как одним из наиболее распространенных в их среде промыслов был извоз в Петербурге и торговля ягодами; «поляк из окрестностей Кракова» представлен шляхтичем в синем кунтуше и красной конфедератке. Но без подписи мы все еще редко можем верно определить этническую принадлежность обладателей «костюмов».

Теоретическая разработка концепции типа воплотилась, таким образом, и в способах визуального конструирования этнического. Материальные приметы, приписываемые до того многим народам, теперь «закрепляются» за одним или несколькими, они связаны не с конкретно-реалистическими, а обоб-

щенно-собираемыми образами-типами этносов и их региональных вариаций; однако вещественные атрибуты — как и редкие элементы пейзажа, постройки и одежда — являются результатом конструирования. Оно работает на складывание узнаваемого образа, и потому каждая вещь и деталь одежды призваны стать *знаком* этноса. При этом научный статус предмета как признака и маркера этничности совершенно не совпадает и может быть никак не связан с его ролью, ценностью и значением в традиционной культуре. Так, в ходе установления методов идентификации вещь лишается своей утилитарной функции, приобретая черты знака, который, «если и обладает общими с чем-то свойствами, то не с объектом, а со структурой его восприятия» [Эко 1998, 134]. Будучи лишь следствием одной из интерпретаций образа «другого», данная кодификация присваивает себе не только «объективно-научную» истину, но и вторгается в область представлений о «другом» в традиционной картине мира.

В научном понимании этнографические изображения этносов Империи были созданы к Первой этнографической выставке 1867 г. в Москве [Керимова 2009]. Для нее было сделано более 300 экспонатов-манекенов, выполненных по фотографиям, рисункам и скульптурам реальных людей [Этновыставка 1867]. 1860-е годы — это начало формирования антропологии, поиски расового типа и полемика о научных методах определения этнически-типичного. Неслучайно выставка вызвала горячую дискуссию в обществе о великорусском типе (об этом: [Найт 2003; Лескинен 2010, 107—111]). Поэтому на первом месте перед организаторами стояла задача полной аутентичности — точного воспроизведения физических параметров модели, использование купленных у крестьян костюмов и утвари. Согласно разработанному плану материальное разнообразие этнографической части экспозиции должно было быть представлено максимально полно — перечень только разрядов предметов состоял из 13 пунктов и включал, помимо инструментов, посуды, мебели, игрушек, также орудия

труда, снаряжение, музыкальные и другие инструменты и т. п. [Этновыставка 1867, 15]. В размещении отдельных экспонатов, демонстрировавших облик и быт народов, организаторы руководствовались, прежде всего, стандартом типичности: экспонаты «должны быть размещены по возможности в их естественной обстановке, с атрибутами их домашнего быта, и каждая группа должна быть размещена так, чтобы она отражала какую-либо *характеристическую черту* этого последнего. ...Группы русских племен могут быть окружены *типическими* (выделено мной. — М. Л.) растениями и животными тех же местностей» [Там же, 3].

Некоторые сторонники патриотического направления восприняли теоретические сложности определения типичного как идеологический просчет. Так, М. Н. Катков полагал, что этнографическая экспозиция должна доказывать и наглядно демонстрировать посетителям в первую очередь способности и свойства, позволившие русскому народу создать собственную государственность, Империю и исполнять цивилизаторскую миссию в отношении других народов, и потому резко критиковал «физиономию», одежду, сами бытовые сценки, считая, что они явно проигрывают перед гораздо более привлекательными и достоверными изображениями зарубежных славянских народов. Он обвинял организаторов в «самоуничижении», усматривая в аутентичности некоторых предметов излишний натурализм, отсутствовавший при этом в экспонатах, представлявших другие этносы: «Мы не видим никакой надобности, — пишет он, — чтобы одежды крестьянина и крестьянки, предназначенные для хранения в музее, были именно те самые, в которых крестьянин или крестьянка работали целое лето. Разве хорваты, долматинцы, словаки и чехи унаваживают свои поля ... в красных, малиновых и белых тонкого сукна одеждах?» [Катков 1867, 214]. Он также поставил под сомнение сам принцип выборки, оспаривая не только научную точность этнического типа, но и принцип определения типичного в целом: «И почему же эта жалкая лачуга должна быть признана главным

типом наших крестьянских построек? ... Отчего же именно самый безобразный из всех типов жилища великорусского земледельца признан типом из типов?» [Там же, 215].

В связи с темой субъективности выбора можно упомянуть и заметки собирателя галереи фототипов антрополога А. П. Богданова, который вспоминал о прямо противоположных катковским требованиям «красоты» как достоверности претензиях к фотопортретам различных великорусских типов, собранных в альбом русских, демонстрировавшийся на той же выставке: «Цель выставления ...и передачи ...этого альбома была та, чтобы вызвать мнения о физиогномии русских. Портреты я старался собирать без какой-либо предвзятой идеи, отыскивая с одной стороны те лица, кои мне казались наиболее подходящими к *обыкновенно признаваемым* за более чисто русские, а с другой те, кои *наиболее часто* (выделено мной. — М. Л.) встречаются, хотя и носят следы инородческой помеси» [Богданов 1878, 133—134]. Критерием выбора типа для антрополога, таким образом, стала частотность и такое в высшей степени неопределенное свойство облика, которое все же выделялось ученым в качестве приемлемого критерия — *общепризнанность* его в качестве национального типа («обыкновенно признавать» его чисто русским). «Некоторые русские и иностранцы... — продолжал А. П. Богданов, — упрекнули меня за предвзятый выбор особенно хороших лиц и за тенденциозную прикрасу материала, хотя в альбоме сняты были исключительно крестьяне и, как сказано, в различных видоизменениях физиогномического типа. Правда, я в главе альбома поставил двух умных и очень симпатичных владимирцев, бывших в то время у меня плотниками, но за ними следовал ряд других, безупречных в отношении прикрасения, так как это были представители наиболее часто встречающихся типов, самых обыденных физиогномий» [Там же, 134]. Многие современники полагали, что истинный этнический тип (что важно отметить — одновременно и социальный, т. е. крестьянский) не мог быть воплощен в «образцовом» виде.

Однако такое неприятие отражает не

столько различные мнения о красоте, сколько демонстрирует значимую тенденцию периода формирования любой этнокультурной идентичности: выработку обобщенного образа «своего», который, воплощаясь в этническом типе, в равной мере репрезентировал бы внесловный тип, т. е. внешний облик нациеобразующего этноса во всех его вариациях, в том числе и словесных. Отсюда и точное воспроизведение антропологических особенностей, в первую очередь в изображении лиц.

Манекены той части выставки, которая не предполагала жанровых сцен, выставлялись с немногочисленными предметами, но еще не выбранными специально, чаще они были случайными, те, с которыми была запечатлена конкретная натура. Так, кучер держит в руках фрагменты упряжи, эстонская старуха с Библией в руках учит девочку чтению, у финна за поясом — нож и трубка [Образы народов 2008]. Одежда остается главным признаком и приметой этнической принадлежности, но теперь становится важным не обобщенный образ, а, напротив, все вариации общезначимого: региональное, словесное, профессиональное и географическое разнообразие этнического типа, но в первую очередь — славянского и в выставке народов России — русских (великорусов). Подписи к экспонатам содержат обязательное указание региона, почти непременно — имена людей, с которых делались экспонаты и вид их деятельности.

Иллюстративность при этом оказывается не только способом описания, но и методом исследования и репрезентации. Критерии научной объективности можно кратко определить в следующей формуле, которой руководствовались инициаторы: «соответствие реальной действительности, научная объективность, типичность». Неслучайно в отчете о посещении Выставки императором Александром II автор упоминал «удовлетворение» государя от осмотра «отдела, представлявшего польское племя» и его впечатление от экспонатов, изображавших мазурский тип: «Точно бывшие у нас депутаты» [Этновыставка 1867, 48], а фигуры эстонцев показались ему

«естественными» и «весьма ...типичными». Так «точность» и сходство «типа» с «оригиналом» оказываются для воспринимателя знания стороны (адресата этнографического просвещения) все же преобладающими над требованиями научной достоверности и репрезентативности.

На выставке впервые отчетливо были сформулированы в качестве научно-этнографических принципы, во-первых, «реализма» («настоящести») и, во-вторых, узнаваемости («опознаваемости») представителей этноса, которые выступали важнейшим средством этнической идентификации и соответствовали главной прагматической функции этнографического знания [Лескинен 2009]. Действительно, этническую и региональную принадлежность большинства изображений, представлявших Европейскую Россию, мы и сегодня можем атрибутировать прежде всего не столько благодаря сформировавшимся представлениям об этнических физических типах, а в первую очередь по их материальным признакам, связанным с костюмами и некоторыми атрибутами (бубен, коса, трубка, книга и т. п.). Кроме того, сама прагматика и способ функционирования экспоната в музейной коллекции («информационная емкость музейной вещи прямо пропорциональна объему знаний посетителя» [Байбурин 2004]) становилась своеобразным стимулом для упрощения смысла и значения выставленных рядом с манекеном вещей. Следовательно, задачей экспозиции и популяризаторской деятельности этнографов того времени был «перевод» этих предметов вещного плана обозначения этничности в форму знака, т. е. выбора и обозначения одного-двух из них в качестве этнически-типичных. И в некоторых случаях вовсе не самые характерные из них обретали такой статус, но это могло происходить и без сознательных усилий организаторов.

Принципы отбора и создания этнических образов на выставке 1867 г. свидетельствуют об интенсивном поиске типичных атрибутов, «эксклюзивных» для каждого из народов. С 1870-х гг. из объектов строгого каталогизирования

набор предметов редуцируется и преобразуется в несколько знаковых примет этнической группы, выполняя роль маркеров, а позже и символов народа-этноса. На создание этнонациональной символики влияли визуальные образы России и ее народов, создаваемые прежде всего «на экспорт» (такowymi были альбомы Георги, Рехберга, Паули). Рассчитанные на внешнего (иностранного) потребителя, они постепенно осваивались и присваивались русским обществом. Так, балалайка (слово появилось впервые в тексте 1688 г., активно использовалось с петровского времени в русском и украинском языках, как русский национальный инструмент обозначается в последней трети XIX в.), матрешка (впервые появляется на Художественной выставке в Париже в 1900 г., по инициативе Мамонтовой изготовлена токарем Звездочкиным, расписана художником Малютиным), лапти, самовар (производство в Туле началось только в 1780-х гг.) — все эти национальные символы, связанные с предметным миром крестьянской жизни великорусов, конституируются в качестве таковых довольно поздно [Кузнецов 1994], и в первую очередь для репрезентации России вовне, представляя собой образ русской нации для «других».

Аналогичный процесс шел и в отношении других этносов Империи. Так, к 1870—80 гг. вещный мир финна представлен в российских изображениях конца века ножом (так называемый «финский нож», в текстах всегда именуется «финский нож пукко»), изредка — медным кофейником и непременно трубкой, притом что во всех ранних визуальных репрезентациях народов России она представлена как важный атрибут многих народов Сибири (особенно Восточной) и западных окраин Империи (немцев и поляков, шведов), нож — также распространенный атрибут изображения охотничьего промысла [Карта 1866]. В финляндском отделе Всероссийской художественно-промышленной выставки (Москва, 1882) были представлены этнографические экспонаты, представляющие разные региональные крестьянские типы финнов в аутентичных интерьерах. В них

главными повторяющимися атрибутами (т. е. явно наделяемыми значением национально-финских) стали трубка и Библия [Худыставка 1882, 196—197].

Поляку «приписаны» не известные с XVII в. «рыцарские» признаки (усы и оселедец; герб, сабля, кунтуш, пистолы и др.), а «новые» черты, которые теперь призваны «совмещаться» с обликом польской этничности, т. е. только крестьянского сословия, — к неперенным усам прибавляется конфедератка и более скромный жупан [Образы народов 2008]. Однако польский крестьянин трудноотличим от своих славянских сородичей-земледельцев, хотя обозначено стремление, изобразив его в праздничной одежде с элементами старинных шляхетских облачений, создать отличительные приметы [Там же]; аналогичные трудности в это время наблюдаются в выборе сословных черт в качестве этнических и в научных описаниях свойств польского национального характера [Лескинен 2010, гл. 7-2].

В 1880—90-е гг., с распространением идей эволюционизма в России, значимость изучения материальной этнической культуры значительно возросла — ведь теперь по различным ее элементам стремились установить место (уровень развития) народа или его «отрасли» на шкале культурно-исторического развития, поэтому спектр инструментов, орудий, утвари и способы их производства привлекал пристальное внимание исследователей. Однако в научной литературе о народах Российской империи в этот период следует отметить четкую специализацию визуального ряда: в трудах по антропологии или археологии (в особенности краниологических ее аспектах) он ограничивался фотографиями современных физических и расовых типов и рисунками находок; в этнографических очерках в качестве равнозначимых соседствовали старинные (в том числе и упомянутые) гравюры и рисунки с них, зарисовки современных путешественников, фотографии и репродукции-гравюры с живописных полотен и портретов.

Если учесть, что характерной для 1880—90-х гг. формой репрезентации народов Империи являлись многотом-

ные географо-статистические описания государства, выполнявшие одновременно и научную, и популяризаторскую функции, то следует отметить, что в них визуальное «сопровождает» тексты, но отходит на второй план — в отличие от явного преобладания в 1860—70-е гг. Побеждает принцип широко понимаемой иллюстративности: равноценными признаются тексты разных жанров — записки путешественников, сведения этнографических опросов, беллетристика, поэзия, фольклор; ту же особенность подбора демонстрируют пестрые по составу изображения, теперь призванные лишь сопровождать и «облегчать» восприятие большого по объему научно-популярного нарратива. Материальный мир этнического трактуется в них более свободно: белорус может изображаться в облике нищего больного странника с посохом, финн — как щегольски одетый ремесленник мастерской Фаберже, и шляхтичу наконец позволено представлять поляка (примеры в: [Янчук 1888; ЖР]). Главное — освоение этнического разнообразия через создание узнаваемых и поэтому упрощенных образов.

Интересно, что при максимальном соблюдении требования полного соответствия живым оригиналам фотография, ставшая неперенным элементом этнографических нарративов в конце столетия все же признавалась неспособной выразить в полной мере типичные и аутентичные одновременно этнические черты. Так, антрополог Петри ставил в упрек современной научной фотографии, что «она дает изображение, лишённое индивидуальности и жизненности. Современные “путешествия” избилуют изображениями лиц в условных и принужденных позах и с тем же отсутствием определенного выражения в лице» [Петри 1895, 41], в то время как «изображение типов художниками ... всегда будут стоять несравненно выше фотографии, так как художник может выдвинуть именно те особенности, которые наиболее характерны с точки зрения этнографии или патологии. С другой стороны, художник рискует внести в изображение типа, помимо своего сознания, именно те черты, которые, по

его превратному мнению, кажутся ему существенными» [Там же, 46].

Итак, если в начале XIX в. материальные признаки этничности оказывались вторичными по отношению к признакам духовной культуры, то с 1860—70-х гг. они приобретали доминирующую роль в разработке идеи этнической физиогномики, в основе которой находилась оппозиция внешнее/внутреннее. К концу столетия вещные атрибуты определяли принципы и каноны визуального и вербального изображения национального и этнического в российской науке. Таким образом, с эволюцией представлений об иерархии этнических признаков значимость предметных объектов в процессе идентификации и репрезентации этносов Империи меняется. Главной отличительной приметой остаются одежда и атрибуты хозяйственной деятельности; материальный мир этнической культуры интерпретируется в категории традиции, потому наделяется свойствами такой же неизменности, как и врожденные качества этноса (антропологический тип, темперамент, характер). Но все же, в отличие от XX в., вещь для адресата этнографического знания — еще живой, реальный и понятный элемент крестьянского традиционного мира.

В целом в изображениях народов Империи материальные объекты, обретая символический статус, утрачивали первичные значения, конкретно-бытовую и фактографическую точность, становясь конструктом. Наделяя материальный атрибут функцией знака, а затем и символа, механизм научной типизации в конце XIX в. апеллировал не к готовым образцам (как в XVIII в.), не к опыту и впечатлениям наблюдателя (как в первой половине XIX столетия), а к обновленным стандартам этничности и к идее нации.

Литература

Байбурин 2004 — *Байбурин А.* Этнографический музей: семиотика и идеология // *Неприкосновенный запас.* 2004. № 1 (33).

Белинский 1954 — *Белинский В. Г.* «Наши, списанные с натуры русскими» (1842) // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953—1959. Т. 5. М., 1954. С. 602—604.

Богданов 1878 — *Богданов А. П.* Антропологическая физиогномика (1878) // *Русская расовая теория до 1917 г.* Сборник оригинальных работ русских классиков: в 2 вып. / под ред. В. Б. Авдеева. Вып. 1. М., 2004. С. 111—144.

Вишленкова 2005 — *Вишленкова Е.* Визуальный язык описания «русскости» // *Ab Imperio.* 2005. № 3. С. 97—146.

Вишленкова 2008 — *Вишленкова Е. А.* Визуальная антропология империи, или «Увидеть русского дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. Серия WP6. Гуманитарные исследования. М., 2008.

Георги 1776—77 — *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: в 3 ч. СПб., 1776—1777.

Даль 1848 — *Даль В. И.* (*Нравоописатель В. Луганский*) Чухонцы в Питере // *Финский вестник.* 1846. Т. 8. Отдел III. С. 1—8.

Дмитриев 2005 — *Дмитриев В. А.* Иоганн Готлиб Георги и его книга «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» // *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов / предисл. и прим. Дмитриева В. А. СПб., 2005.

Жабрева 2007а — *Жабрева А.* Густав-Теодор Паули. Этнографическое описание народов России. Монументальное описание России, народы страны в год ее тысячелетия. 1862 // *Паули Г.-Т.* Народы России. М., 2007. С. I—V.

Жабрева 2007б — *Жабрева А.* Живописные зарисовки путешествующего художника // *Рехберг К.* Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи. Париж, 1812—1813. М., 2007. С. I—V.

Жабрева 2007в — *Жабрева А.* Изображения костюмов народов России в трудах ученых Петербургской Академии наук XVIII в. // *Справочно-библиографическое обслуживание: традиции и новации* / отв. ред. В. П. Леонов. СПб., 2007. С. 201—214.

ЖР — Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном и экономическом и бытовом значении. Под общей редакцией П. П. Семенова, вице-председателя Императорского Русского географического общества. В 12 т. (19 кн.). СПб.; М., 1881—1901.

Зорин 2004 — *Зорин А.* Прогулка верхом в Москве в августе 1799 г. (из истории эмоциональной культуры) // *НЛО.* 2004. № 65.

Императорские коллекции 1995 — Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея. СПб., 1995.

Карта России 1866 — Карта России и племен, ее населяющих (1866) / сост. и рис. Н. Терebeneв // *Образы народов Российской империи 60-х гг. XIX в. по материалам Этнографической выставки 1867 г.* СПб.: Российский этнографический музей, 2008 (DVD).

Катков 1897 — Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1867. М., 1897.

Керимова 2009 — Керимова М. М. Первая этнографическая выставка 1867 г. и проблема культурного взаимодействия славянских народов // *Европейская интеграция и культурное многообразие: в 3 ч.* М., 2009. Ч. 3. Традиционные ценности и новые ориентиры. С. 106—149.

Костюм 1990 — Костюм народов России в графике XVIII—XIX вв. Из фондов Государственной центральной театральной библиотеки / автор-составитель Н. М. Штуратурова. М., 1990.

Кузнецов 1994 — Кузнецов И. М. Исследование символов в системе национального самосознания. К постановке проблемы // *Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества.* М., 1994. С. 25—36.

Лескинен 2009 — Лескинен М. В. Роль концепции народности в этнографических описаниях последней трети XIX века // *Россия и славянский мир на этнографической выставке 1867 года.* СПб., 2009. С. 71—83.

Лескинен 2010 — Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в. «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.

Мартин 2003 — Мартин А. Изображение «русскости» в конце XVIII — начале XIX в. // *Ab Imperio.* 2003. № 3. С. 119—134.

Миськова 1998 — Миськова Е. В. Складывание стереотипов инокультурной реальности в англо-американской антропологии // *Этнографическое обозрение.* 1998. № 1. С. 137—142.

Найт 2003 — Найт Н. Империя на просмотре: этнографическая выставка и концептуализация человеческого разнообразия в пореформенной России // *Власть и наука, ученые и власть. Материалы международного научного colloquium.* СПб., 2003. С. 437—457.

Образы народов 2008 — Образы народов Российской империи 60-х гг. XIX в. по материалам Этнографической выставки 1867 г. СПб.: Российский этнографический музей, 2008 (DVD).

Паули 2007 — Паули Г.-Т. Народы России. СПб., 1862; М., 2007.

Петри 1895 — Петри Э. Ю. Соматическая антропология // Петри Э. Ю. Антропология: в 2 т. СПб., 1895—1897. Т. 1. СПб., 1895.

Рехберг 2007 — Рехберг К. Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи. Париж, 1812—1813; М., 2007.

Русский костюм 1984 — Русский народный костюм из собрания Государственного музея этнографии народов России. Л., 1984.

Терещенко 1848 — Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848.

Тимм 1843 — Тимм В. Иллюстрации // *Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов* / под ред. Н. Некрасова (с политипажамми). СПб., 1845 (Изображения «типов» Тимма к этому и другим изданиям — на сайте: <http://www.grafika.ru/catalog/s>).

Худвыставка 1882 — Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 г. Иллюстрированное описание. СПб., 1882.

Эко 1998 — Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.

Этновыставка 1867 — Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. М., 1867.

Янчук 1878 — Янчук Н. Народы России. Этнографические очерки // *Природа и люди.* 1878. № 1—11.

Summary. The article is devoted to analysis of values and functions of material elements in descriptions and definitions of hierarchy of ethnodifferential indications during the formation of the ethnography in Russia (XIX cent.). The description was considered to be the major research procedure, which must fix distinctive features of external look, language, «the Spirit» (psychology, character) of people, theirs «obczestvennyj byt», moral and intellectual virtues. The principle of illustrativity dictated forms and methods of ethnos's representations in the scientific literature since XVIII cent. At the beginning elements of «material culture» were secondary after so-called «spiritual culture», but played a dominating role in formation of ethnic physiognomical conception (with it's opposition external/internal). It defined tendency and canons of the visual and verbal images of Owners and Others in Russian ethnology throughout all XIX cent.

Key words: history of Russian ethnology, history of Russian empire, ethnicity, national identity, cultural and visual representations of the «Others».